

Двадцать первый год эпохи Тяньюань. Гора Меча.

Эта священная круча возвышалась над всей Сектой Меча. Закат заливал небосвод багрянцем, и золотистые волны облаков накатывали одна за другой, превращая вершину в неземную обитель небожителей, не ведающую мирской суеты.

Шэнь Гухань и Е Цзиньюнь стояли подле исполинского валуна, в тени которого вальяжно растянулся седой старик.

— Прошу Допочтенного открыть Гору Меча, — вымолвил Е Цзиньюнь.

Старик приоткрыл один глаз и увидел целую толпу, сгрудившуюся за спинами юношей.

— И чего вас всех сюда принесла нелегкая?

— Дядюшка, открытие Горы Меча — дело нешуточное! Подумайте еще раз, — взмолился Третий старейшина.

— Дядюшка, судьба Горы Меча затрагивает всю секту. Помыслите зрело, — поддержал его глава Секты Меча, Юй Ци.

С самого начала он был против того, чтобы Шэнь Гухань так явно покровительствовал Е Цзиньюню. По его глубокому убеждению, лучшей кандидатурой оставалась Ли Ичань.

Е Цзиньюнь сжал кулаки. Ну и что с того, что он Избранник Судьбы и с честью прошел Тропу Испытаний? Верхушка Секты Меча ни за что не желала его возвращения на путь самосовершенствования. Его приняли во внешнее ученичество лишь ради громкого титула Избранника Судьбы — боялись, как бы он не переметнулся к демонам.

Е Цзиньюнь перевел взгляд на старика, который продолжал нежиться в тени с самым беззаботным видом. Теперь вся надежда оставалась лишь на него.

— Уповаю на вашу благосклонность, Допочтенный, — чеканно и искренне проговорил он.

— Дерзкий мальчишка! Ты хоть ведаешь, какие ужасы таит нутро Горы Меча?! — вспылil Третий старейшина. Не смея вымещать досаду на старшем, он обрушил весь свой гнев на юношу. — Гухань — лучший гений нашей секты за тысячелетие, наша главная надежда на вознесение! Если он сложит голову в этой преисподней ради тебя, никчемного калеки, чем ты искупишь его гибель?!

Е Цзиньюнь мгновенно посмотрел на Шэнь Гуханя.

«С какой стати ему рисковать жизнью ради меня?»

Ситуация выглядела странно. Об открытии Горы Меча знали только они трое: он сам, Гухань и этот старик. Старец выглядел так, будто происходящее его ни капли не касалось, а Шэнь Гухань хранил гробовое молчание. Оба вроде бы содействовали ему, но стоит Третьему старейшине поднять шум, как оба устранились, заставив его в одиночку держать ответ.

Шэнь Гухань ощутил этот пристальный, полный сомнений взгляд.

— Третий дядя-старейшина, я иду на Гору Меча ради Меча Тайа, — спокойно произнес он. — Тайа — клинок правителей, владыка всех священных артефактов Поднебесной. Я — старший ученик Секты Меча. И никакой другой клинок, кроме Тайа, меня не достоин.

Слова эти прозвучали надменно, вызвав ропот среди присутствующих, но никто не посмел возразить. Шэнь Гухань с малых лет превосходил всех сверстников; едва дав обет совершеннолетия, он уже достиг стадии Зарождающейся Души — подобный гений рождался раз в десять тысяч лет. Из уст любого другого эти речи прозвучали бы безумной гордыней, но Гухань имел полное право говорить так.

— Но ведь Гора Меча всегда открывалась лишь во внешних пределах! Внутренний круг запечатан навечно! Гухань, ты уверен в своих силах? — Третий старейшина замешкался. Он не вправе был препятствовать пути Дао своего лучшего ученика, но тревога сжимала сердце. Гора Меча хранила волю и свирепые мечи многочисленных предков; каждый шаг вглубь этого места был шагом в пасть смерти.

Шэнь Гухань ничего не ответил — его решение было непреклонным.

— Ладно, развопились тут! Сам еще желторотый юнец, а туда же — учить вздумал, — старик с досадой оттолкнул Третьего старейшину, к которому давно питал неприязнь, и повернулся к Е Цзиньюню: — Лишь кровь Избранника Судьбы способна до конца снять печать. Подходи и надрежь ладонь.

Третий старейшина, давно отгулявший свой век, от прозвища «желторотый юнец» только рот открыл, но промолчал. Остальные и вовсе замерли, боясь вымолвить слово.

Е Цзиньюнь без колебаний достал кинжал и полоснул себе по ладони.

— Приложи руку к камню, — велел старик.

— Куда именно? — Е Цзиньюнь растерянно смерил взглядом глыбу.

— Да хоть куда! — закатил глаза тот.

Юноша выбрал место посередине и прижал окровавленную ладонь к холодному граниту.

В тот же миг небо над Горой Меча затянуло полупрозрачным лазурным куполом. Под лучами солнца он переливался, точно гигантский мыльный пузырь, сияя тысячами искр.

Но не успели адепты восхититься этим зрелищем, как в самом центре лазурного барьера проступил темный узор. Чёрные жилы стали стремительно разрастаться во все стороны.

— Это еще что такое?!

— Демоническая ци?!

— Быть того не может!

Ученики Секты Меча мгновенно выхватили клинки, принимая боевые стойки.

— Что происходит?! — первым не выдержал Третий старейшина. — Дядюшка, откуда на Горе Меча демоническая скверна?!

Однако старик даже не взглянул на него. Его задумчивый взор был устремлен на Е Цзиньюня, из чьих жил валун жадно пил кровь.

Почуввав неладное, Шэнь Гухань тут же отдернул руку Е Цзиньюня от валуна, разрывая контакт.

— Ты как?

Лицо Е Цзиньюня стало блее полотна.

— В... порядке, — едва шевеля губами, прошептал он.

Тем временем распространение демонической ци приостановилось. Лазурь и мрачный иссиня-черный цвет переплелись: с одной стороны купол источал чистое сияние, с другой — зиял глубокой бездной, готовой поглотить всё живое.

Старик коснулся каменной поверхности, и морщины на его лбу сошлись в глубокую складку.

— Паршивец... Ты что, из порождений тьмы?

— Нет! — Е Цзиньюнь, и без того ослабевший от потери крови, от такого страшного навета похолодел до мозга костей.

— Кабы ты не был демоном, с чего бы защитному барьеру Горы Меча источать черную скверну?!

От этих слов все обомлели. Демоны — исконные враги праведных заклинателей, сущности нечеловеческой мощи. В Море Долголетия светлый путь и демоническая тропа были несовместимы, как огонь и вода. А Секта Меча являлась оплотом праведности. Появление демона среди адептов грозило лишь одним — немедленной расправой.

Все взоры устремились на Е Цзиньюня.

— Он демон! Оставим в живых — накличем великую беду!

— Убить его!

Чей-то выкрик мгновенно воспламенил жажду крови в толпе.

— Брат Шэнь?.. — Гу Шаосинь с ужасом воззрился на Шэнь Гуханя, всё ещё сжимавшего Е Цзиньюня в объятиях.

«Старший брат ведь связал себя с ним Контрактом Дао! Что же теперь делать?!»

Стоявшая вдалеке Ли Ичань лишь едва заметно усмехнулась.

Шэнь Гухань крепче прижал к себе Е Цзиньюня, намереваясь вырваться из окружения.

— Гухань, оставь его, — ледяным тоном приказал глава секты.

— Учитель, мы связали себя Контрактом Дао. Я обязан защищать его, — Гухань обвел холодным взглядом сородичей по секте, рядом с которыми вырос. С малых лет их учили истреблять демонов во имя справедливости.

«Узнай они, что их старший брат — сам демонический культиватор... Прокляли бы меня до седьмого колена?»

Ученики наперебой запричитали:

— Старший брат, он же демон!

— Контракт Дао можно расторгнуть! Зачем вам рисковать собой?!

— Верно! У вас великое будущее, стоит ли губить его ради исчадия ада?!

— Гухань, убей его, — наставительно произнес Юй Цзи, глядя на ученика, которого взрастил собственными руками. — Избранники Судьбы еще найдутся. Мы решим этот вопрос позже.

— А если я откажусь? — с ледяной усмешкой отозвался Шэнь Гухань. Он органически не переносил принуждения.

— Не совершай глупостей, — насупился Юй Цзи. Дурное предчувствие тяжким грузом легло ему на душу.

Разумеется, Гухань не был безумцем и не собирался вчистую перечеркивать годы трудов и свое положение в Секте Меча ради одного лишь Е Цзиньюня. Но не успел он принять решение, как древний валун, доселе хранивший покой, вспыхнул и породил невероятную силу притяжения. Всплеск магии мгновенно притянул Е Цзиньюня назад, увлекая за собой и Шэнь Гуханя.

Гухань не ожидал, что камень способен сковать даже его. Пока он пытался высвободиться, гранит с жадностью высасывал остатки жизненных сил из Е Цзиньюня. Он рванулся, желая оторвать юношу от монолита, но внезапно почувствовал, как его собственная кровь вскипела и хлынула к камню бурным потоком.

Впитав кровь Гуханя, небесный лазурный купол окончательно поглотила непроглядная тьма, накрыв присутствующих жутким саваном.

— Это еще что?! — старец в недоумении погладил бороду и бросил подозрительный взгляд на главу секты.

Кровь Шэнь Гуханя также окрасила барьер в иссиня-черный цвет.

Адепты секты в полном оцепенении переглядывались. Услышав обвинения в адрес Е Цзиньюня, они были поражены, но известие о том, что сам Шэнь Гухань — демонический культиватор, повергло их в шок. Шэнь Гухань — первый ученик, цвет и гордость молодежи, нареченный преемник главы секты! Как такое возможно?!

— Изверг! Что ты сделал с моим учеником?! Отдай жизнь! — раздался исполненный праведного гнева рык Юй Цзи.

Мгновение — и заклинатели вышли из оцепенения. Ну конечно! Это нечестивец Е Цзиньюнь применил мерзкое колдовство против их старшего брата! Сотни клинков мгновенно скрестились, целясь в грудь юноши.

Ли Ичань не верилось, что Гухань связан с тьмой. Обвинение Е Цзиньюня было целиком ее рук делом, ведь она твердо знала, что тот чист. Стало быть, демоническая сущность действительно принадлежала Шэнь Гуханю! Ну или он тайком практиковал демонический путь.

Ее затея была проста: очернить Е Цзиньюня, обрекая его на казнь, от которой не спасет никакой Контракт Дао. Но чтобы сам Гухань оказался демоном?..

«Просчиталась ты, дорогая...» — раздался над ее ухом ехидный, злорадный шепоток.

— Заткнись, — процедила барышня Ли.

— Негодяй! — рявкнул Юй Цзи и выбросил вперед руку, намереваясь схватить Е Цзиньюня.

Однако Шэнь Гухань уклонился, увлекая юношу за собой, и молниеносным ударом отбросил главу секты назад.

— Брат Юй, вы целы? — старейшины подоспели на помощь, подхватив своего главу. Не желая верить в предательство любимого ученика, они охотно ухватились за версию об одержимости.

— Брат, неужели демоническая тварь подчинила разум Гуханя?! Что нам делать?! — не сдержал тревоги обычно невозмутимый Пятый старейшина.

Юй Цзи опустил веки, проигнорировав вопрос.

— Встать в Мечевой строй, — глухо приказал он. — Убить обоих.

— Но как же Гухань?! — ахнул Третий старейшина, глядя на того, кого считал надеждой секты.

Юй Цзи лишь качнул головой:

— Коварству демонов нет предела. Гухань долго находился подле этого исчадия. Быть может, его душа давно мертва, а перед нами — лишь пустая оболочка.